

Глава 32. Живи ради меня

Ци Цзю вовсе не собирался просыпаться.

Юй Юньлян мало что в этом смыслил. Юный инспектор повсюду искал способы вернуть жизненные силы тому, кто уже стоял на пороге смерти, и в своем отчаянии дошел до того, что начал черпать мудрость даже из площадных представлений.

В театральных пьесах лисьи духи и лесная нечисть даровали жизнь поцелуем — именно этот способ он и решил испробовать.

Потеряв покой, Юй Юньлян набросил на голову глубокий капюшон, скрывающий лицо, и теперь, набрав в рот вина, неуклюже касался губ Ци Цзю... В эту минуту он и впрямь походил на горного демона, решившего навестить мир людей глухой ночью.

Маленький волчонок, обернувшийся оборотнем, пришел в полночь, чтобы прильнуть к человеку, но в решающий момент так занервничал, что ненароком сглотнул глоток сладкого вина.

Юй Юньлян поперхнулся, заливаясь краской до самых корней волос, и сжался в комочек, заходясь в кашле.

Система, наблюдавшая за этим в бинокль, едва не подпрыгивала от нетерпения:

[Он вообще собирается целоваться?!]

Ци Цзю тоже мысленно вздохнул:

«Я возвращаюсь».

Система тут же переключила внимание на него:

[А ты? Ты-то хоть умеешь?!]

Ци Цзю отложил записи Системы и, прежде чем окончательно прийти в себя, заблокировал ей доступ к камерам наблюдения, отправив саму Систему на принудительный курс повышения квалификации с полной загрузкой сознания.

***

Юй Юньлян застыл на постели, не смея пошевелиться.

Почувствовав, как изменилось дыхание Ци Цзю, он похолодел. А когда тот перевернулся на бок, спина юноши покрылась ледяным потом. Сзади была стена — пути к отступлению не осталось, разве что перепрыгнуть через самого принца.

Юй Юньлян не смел так поступить, поэтому лишь вжимался в стену всё сильнее... пока не почувствовал, как чья-то рука ласково легла ему на плечо.

С трудом сглотнув, юноша заставил себя поднять голову.

Ци Цзю смотрел на него сверху вниз, и, увидев этот ошеломленный, почти безжизненный взгляд маленького инспектора, не выдержал и улыбнулся:

— Что ты затеял?

От этой мягкой улыбки силы покинули Юй Юньляна. Напряжение спало так резко, что у него закружилась голова.

— Ни... ничего, — прошептал он. — Я зашел проведать Ваше Высочество. Мне пора идти.

Он боялся, что Ци Цзю спросит, куда он направляется, и надеялся, что принц еще слишком слаб после сна, чтобы соображать быстро. Юноша хотел поскорее скрыться. В Директорате церемоний проверка начиналась в час Свиньи — времени оставалось не так много.

Юй Юньлян сжал край рукава и, стараясь не тревожить Ци Цзю, начал бесшумно сползать с ложа.

— Не спеши, — остановил его принц. — Если тебе нужно во дворец, я знаю путь короче.

Юй Юньлян замер.

Он не поднимал головы, слушая, как Ци Цзю приподнимается на ложе. Благовоние и впрямь было отличным: принц без видимых усилий сел и теперь смотрел на него, чуть склонив голову.

Тени от свечи плясали на стенах. Ци Цзю, статный и высокий, опирался на одну руку и внимательно разглядывал застывшего инспектора Юя, скрытого под черным плащом с капюшоном.

В прошлой жизни Юй Юньлян всегда одевался так, когда исполнял обязанности инспектора. Он бродил по столице, словно неприкаянный призрак... Там, где он появлялся, лилась кровь и рушились судьбы.

Ци Цзю попросил Систему просмотреть записи его прошлого. Те знатные семейства, чьи дома он разорял, на словах чтили добродетель, а на деле погрязали в пороках и насилии. Каждый, кто пал от его руки, сам был по локоть в крови.

Никто не учил Юй Юньляна отличать добро от зла, никто не говорил ему о милосердии или праведности... И всё же он не стал истинным демоном.

Он остался лишь маленьким оборотнем, который бродит по ночам, неловко касаясь губ другого человека в попытке поцеловать, даже не зная, как это делается.

— Юй Юньлян, — негромко позвал Ци Цзю, перестав его дразнить. — Подойди сюда.

Грозный инспектор, одним именем которого пугали детей, не посмел послушаться. Он медленно приблизился, опустился на колени и замер, крепко сжимая черную ткань рукава.

Ци Цзю откинул его капюшон и принялся расстегивать плащ. Его руки двигались уверенно и спокойно. Сняв тяжелую ткань, он поправил ворот черного халата юноши, смахивая невидимую ночную пыль.

— ...Ваше Высочество, — голос Юй Юньляна дрожал, в нем слышалась мольба. — Ваше Высочество...

Ци Цзю лишь тихо вздохнул, не в силах противиться этому взгляду, и улыбнулся. Юй Юньлян медленно закрыл глаза.

Не успел он вымолвить и слова, как рука Ци Цзю легла ему на спину, притягивая к себе:

— Иди ко мне.

Юй Юньлян замер. Сердце в его груди глухо ухнуло, словно пробитое насквозь, и кровь жарким потоком хлынула к конечностям. Не успев опомниться, он уже прижимался к Ци Цзю, прячась в его тени.

Принц укрыл их обоих своим меховым плащом и принялся медленно поглаживать юношу по спине, успокаивая его бешено колотящееся сердце.

— Я не собирался мешать тебе, если ты решил идти во дворец, — проговорил Ци Цзю, склонившись к его уху. — Но разве не лучше было обсудить всё заранее? Мы бы продумали план вместе, присматривали бы друг за другом.

Ци Цзю почувствовал, что сидеть так ему тяжело, и начал искать глазами подушку. Юй Юньлян, чьи инстинкты сработали мгновенно даже в таком состоянии, тут же подложил

подушку ему под спину.

Устроившись поудобнее, Ци Цзю приобнял юношу, который всё еще суетился рядом:

— Чего ты боишься? Неужели меня?

Юй Юньлян яростно замотал головой. Как он мог бояться Ци Цзю?

— Я... в этой одежде я выгляжу ужасно.

Он хотел быть в глазах принца тем достойным мужем, которого тот сам из него вылепил — тренирующимся в стрельбе из лука и изучающим книги. Ци Цзю выбрал для него роскошный халат небесно-голубого цвета с серебряным шитьем, и Юй Юньлян, боясь его испачкать, надевал его лишь для того, чтобы полюбоваться своим отражением в реке, после чего бережно прятал.

— Это одеяние... оно уродливо, — прошептал он, сжимая черную ткань формы Директората. — Я не хотел, чтобы вы видели меня таким. Не хотел, чтобы вы меня таким запомнили.

Ци Цзю погладил его по волосам:

— Маленький инспектор всегда выглядит прекрасно.

Юй Юньлян вымученно улыбнулся и хотел было что-то возразить, но Ци Цзю вдруг достал сплетенное из ивовых ветвей кольцо и надел ему на руку.

Юноша застыл — в его памяти вдруг всплыла их первая встреча у моста Удин, в водах реки Хуньхэ... Тогда Ци Цзю и впрямь сказал, что он красив.

— Думаешь, я лгу? — Ци Цзю рассмеялся. Он распустил волосы юноши, которые тот завязал сам, и коснулся его виска. — Я не лгу.

Он действительно считал, что Юй Юньлян идет черный цвет — в нем была особая суровая стать, способная нагнать страху на всю столицу. Но маленький инспектор никак не хотел в это верить.

Словами тут было не помочь. Система, которая от скуки частенько заглядывала в веселые кварталы, притащила целую тетрадь советов о том, как без труда убеждать людей, и каждый день пыталась просветить Ци Цзю. Тот лишь отмахивался от ее глупостей, но некоторые приемы всё же взял на заметку.

Ци Цзю наклонился, взял чашу с тем самым винным отваром и набрал в рот немного напитка.

Юй Юньлян широко распахнул глаза, наблюдая за его действиями. Сердце его пропустило удар, и он ошеломленно поднял взгляд. Ци Цзю, окутанный мягким светом свечи, кивнул ему.

...Маленький лесной демон пришел ночью к человеку, но так и не сумел его поцеловать. Теперь же он, совершенно сбитый с толку, прильнул к принцу, чтобы самому попробовать этот вкус.

Юй Юньлян невольно зажмурился. Он почувствовал сладость вина, сквозь которую пробивалась знакомая горечь трав... а может, это была вовсе не горечь лекарств.

Ци Цзю обнимал его, окутывая прохладным ароматом. Юй Юньлян стоял перед ним на коленях с закрытыми глазами, подставив горло — всё та же поза покорности, готовность принять любую участь от этой руки.

Он получил этот глоток вина из рук Ци Цзю.

Принц не позволил ему выпить больше. Удерживая дрожащего юношу, он прижался своим лбом к его и тихо спросил:

— Маленький инспектор, возьмешь меня с собой?

Юй Юньлян, всё еще пребывая в оцепенении, открыл глаза:

— ...Что?

— Возьми меня с собой, я не буду мешать, — мягко уговаривал Ци Цзю. — Я укажу тебе короткий путь. Ты погонишь карету, а я буду ждать тебя внутри.

Юй Юньлян инстинктивно хотел отказаться, но поцелуй Ци Цзю лишил его способности здраво мыслить:

— В замке... очень опасно.

— Я проберусь туда сегодня один, а Ваше Высочество будет ждать вестей, — заговорил юноша. Эта мысль уже давно созрела в его голове, и теперь, несмотря на волнение, слова лились гладко. — Если завтра прилетит голубь, значит, всё в порядке, и вы придете на прием как обычно.

А если голубь не прилетит, значит, дворец превратился в смертельную ловушку... и тогда Ци Цзю должен немедленно бежать. Просто уезжать — Юй Юньлян украл достаточно серебра и за

эти дни обменял его на ассигнации, спрятав их в тайнике кареты.

Ци Цзю должен был забрать деньги и покинуть столицу. Уехать в Янчжоу или в любое другое место, где небо шире — лишь бы подальше отсюда. Уехать и никогда не возвращаться, не пытаясь узнать о его судьбе.

Ци Цзю всё понял. Поглаживая покрасневшее ухо юноши, он медленно кивнул:

— Так вот что задумал наш маленький инспектор.

Юй Юньлян под этим ласковым прикосновением окончательно потерял голову и лишь тихо подтвердил его слова, прежде чем осознал, что выдал себя:

— Нет, то есть... я...

— Всё хорошо, — Ци Цзю и не думал сердиться. — Не нужно умирать ради меня.

Юй Юньлян поджал губы. Трудно было сказать, услышал ли он эту просьбу — его спина, только что расслабленная, снова напряглась, и он упрямо опустил голову.

Но Ци Цзю еще не закончил. Он коснулся подбородка юноши, заставляя того снова посмотреть на него:

— Если ты так сильно хочешь что-то для меня сделать...

Он заглянул в темные глаза Юй Юньляна. Лед в них давно растаял, оставив лишь пугающую чистоту. Юноша смотрел на принца, не отрываясь, — в его мире теперь существовал только Ци Цзю.

Принц наклонился к нему, и в глазах юного инспектора отразился отблеск луны.

— Живи ради меня, — улыбнулся Ци Цзю, погладив его по волосам. — Живи долго, маленький инспектор. Живи ради меня.

***

В конце концов, Юй Юньлян окончательно поддался на эти уговоры.

Лишь когда ночной ветер коснулся его лица, он осознал, на какую безумную затею согласился. Он и впрямь правил каретой.

А в карете действительно находился Ци Цзю... Опальный принц, который столько дней не покидал покоев, был в отличном расположении духа. Покусывая ивовую веточку, он указывал дорогу к дворцу.

Юй Юньляну нестерпимо хотелось проверить, не подмешал ли принц чего-нибудь в тот сладкий отвар.

— Разве это плохо? — Ци Цзю лениво перекатывал веточку во рту, и в его облике сквозило нечто бесшабашное. — Какая разница, где спать?

Он даже помог Юй Юньляну доработать план:

— Если к утру маленький инспектор не вернется, мне и карету запрягать не придется — просто стегну коней и ищи свищи.

Юй Юньлян надеялся, что тот так и поступит, и вымученно улыбнулся:

— ...Ваше Высочество и впрямь уедет один?

— Нет, конечно, — рассмеялся Ци Цзю, вволю над ним подшутив. — Я ворвусь во дворец и заберу тебя силой... Не бойся, у меня в запасе еще восемь жизней.

Он старался не использовать внутреннюю силу, чтобы не дать яду проникнуть глубже в кости — ведь он хотел прожить эти десять лет. Но за время отдыха его кровь немного восстановилась, и скрытая в теле угроза начала проявлять себя.

Ци Цзю взглянул на свое запястье. Сонный фимиам, который Юй Юньлян использовал сегодня, был бесценным даром для организма... и именно он заставил скрытый недуг выйти на поверхность.

В его жилах теперь отчетливо проступала пугающая синева. Чем больше становилось сил, тем заметнее становилась эта зловещая аура.

Именно поэтому Шэнь Гэ, прежний владелец этого тела, никогда не стремился к роскоши и довольствовался малым. Дело было не только в экономии средств для подкупа нужных людей — хотя и это имело значение, и Юй Юньлян в прошлой жизни видел именно эту сторону.

Истинная причина была иной, но о ней мало кто знал, ведь всех, кто видел принца во время приступов, немедленно отправляли в ссылку.

Шэнь Гэ не позволял себе излишеств, потому что просто не смел. Стоило его телу окрепнуть, как яд начинал действовать.

[Но это единственный способ очиститься], — заметила Система. — [Тебе нужно восстановить силы, чтобы яд проявил себя, и тогда ты сможешь вытеснить его по частям. С каждым приступом яда будет становиться меньше].

Путь был мучительным, но Система за эти дни перерыла все настройки мира — и это была единственная надежда.

Хорошая новость заключалась в том, что Ци Цзю предстояло лишь «немного поумирать» и ожить вновь, не доходя до того предела боли, когда хочется свести счеты с жизнью... Плохая же новость была в том, что это могло до смерти напугать Юй Юньляна.

[Как ты собираешься ему всё объяснить?], — советовалась Система. — [Нужно дать ему понять, что сонный фимиам идет на пользу. Пусть достанет еще].

Хоть сонный фимиам и провоцировал приступ, восстанавливая силы, это был единственный путь к долгой жизни.

— Скажу как есть, — ответил Ци Цзю. — Письмо я написать не могу — наш маленький инспектор еще не все иероглифы выучил.

Система:

[...Услышит он это — точно тебя укусит].

Юй Юньлян в эти дни усердно копировал прописи, но не потому, что был неграмотен, а потому, что его почерк был далек от совершенства. Он умел писать, и его каракули вполне можно было разобрать... но в сравнении с каллиграфией Ци Цзю они выглядели жалко. Юноша сам называл свое письмо «собачьими лапами».

Увидев прописи, которые подготовил для него принц, Юй Юньлян готов был сжечь все свои прежние труды или скормить их Цзян Шуню.

— Пусть кусает, от меня не убудет, — усмехнулся Ци Цзю, потирая шею. — Следи за обстановкой, я пойду поговорю с ним.

Система прильнула к биноклю, но в ее голосе слышалось сомнение:

[Прямо сейчас всё расскажешь?]

— Чем раньше, тем лучше. Раз уж приступа не избежать, лучше встретить его красиво.

Ци Цзю лениво потянулся, выплюнул ивовую веточку и принялся вертеть ее в руках.

— Он поймет.

Яд в его теле пришел в движение, откликаясь на прилив крови. Простая попытка потянуться вызвала приступ кашля. Юй Юньлян тут же натянул поводья:

— Ваше Высочество?

— Всё в порядке, — отмахнулся Ци Цзю и перебрался на козлы, устроившись рядом с юношей.

— Вино вкусное?

Юй Юньлян:

«...»

Система:

«...»

Ци Цзю прихватил с собой кувшин с отваром. Устроившись поудобнее под весенним ветерком, он отпил немного и забрал поводья из рук Юй Юньляна. Он уже начал направлять внутреннюю энергию — его движения были точными и легкими, будто он никогда не знал болезней.

Система в это время наблюдала сразу за двумя мирами: в одном плелись дворцовые интриги и замышлялись подлости, а в другом — двое людей наслаждались весенней ночью и вкусом вина.

Путь, указанный Ци Цзю, и впрямь оказался коротким. Карета остановилась у дворцовой стены задолго до положенного срока. У них было достаточно времени.

Юй Юньлян внимательно выслушал всё, что сказал ему Ци Цзю. Лицо юного инспектора было бледным, но взгляд оставался твердым. Он смотрел на сиреневые прожилки на запястье принца, не отрываясь:

— Я понял. Я достану еще фимиама.

— Если яд выйдет... Вашему Высочеству станет лучше? — тихо спросил он. — Верно?

Ци Цзю опустил рукав, скрывая руку:

— Да.

В этом смертельном тупике скрывался единственный выход. И за эти дни они наконец его нащупали.

— Хорошо, — произнес Юй Юньлян. — Я буду рядом.

Он не выказал бурной реакции на этот безумный и опасный план, который мог стоить Ци Цзю нескольких жизней. Возможно, он просто привык подавлять свои чувства. В прошлом он умел терпеть любую боль — когда ему ломали кости или резали плоть, он не издавал ни звука. Лишь рядом с Ци Цзю жизнь стала настолько хороша, что он начал забывать об этой способности.

Лицо Юй Юньляна оставалось бледным, но глаза горели решимостью. Он смотрел на руку Ци Цзю, лежащую рядом, но не смел коснуться ее, зная, что принц этого не хочет. Совсем недавно он тайком касался его — рука была холодной, словно лед, который никогда не растает.

— Где Ваше Высочество желает поселиться? — негромко спросил юноша. — Может, усадьба Цзян Шуня подойдет? Там отличные горячие источники, вам будет уютно.

Для опального принца не существовало строгих правил проживания. Тот старый полуразрушенный особняк, где его поселили раньше, когда-то принадлежал какому-то опальному вельможе и пустовал долгие годы. Теперь же, когда от него остались одни руины, все ведомства столицы пребывали в полнейшем смятении. Новое семейство императрицы дрожало от страха под гнетом монаршего гнева. Никто больше не желал смерти принца — все молились о его воскрешении.

Принц мог утонуть в реке, мог скончаться от яда или пасть от руки наемника — всё это было допустимо. Но он никак не мог погибнуть при загадочном взрыве собственного поместья в самом сердце столицы. Это был несмыаемый позор для правящей династии, выставивший все дворцовые дрызги на всеобщее обозрение.

На улицах дети уже распевали новые песенки о «змеином яде, чаше с отравой и отце-драконе, что пожирает своих детей». Император, чье здоровье и без того пошатнулось, при этих известиях едва не лишился чувств.

***

Ци Цзю сильно подозревал, что автором этих песенок был сам маленький инспектор.

Поймав взгляд Юй Юньляна, он хотел погладить его по голове, но вовремя вспомнил, насколько холодны его руки, и лишь кивнул:

— Какое совпадение.

— Мне как раз приглянулась та усадьба, — сказал Ци Цзю. — Поможешь мне, маленький инспектор?

В глубине темных глаз юноши промелькнула тень улыбки. Поддавшись мимолетному порыву, он потянулся к принцу и, подражая его недавнему жесту, коснулся своими губами его губ.

— Не беспокойтесь, — медленно проговорил он. — Мы очистимся от яда в том доме. Потратим там семь жизней, если понадобится, чтобы потом просто жить.

В глазах Ци Цзю отразилась улыбка, но прохладный ночной воздух тут же вызвал новый приступ кашля. Принц не стал подавлять прилив крови и жестом попросил платок. Юй Юньлян покачал головой и сам бережно вытер кровь с его губ — на этот раз она была темной и густой, словно в ней затаился ледяной холод.

— Она ядовита, — прошептал Ци Цзю, прислонившись к стенке кареты. — Я сам.

Юй Юньлян упрямо покачал головой:

— Отдыхайте. Не шевелитесь.

Он действовал очень осторожно, чтобы не коснуться ядовитой крови. Он будет рядом при каждом приступе, это его долг. Ци Цзю должен был лишь дышать и беречь свое сердце.

Очистив лицо принца, юноша достал флягу с водой и помог ему прополоскать рот. Он не собирался оставлять Ци Цзю в карете — она была слишком заметной целью. Юй Юньлян оставил в экипаже приманку, а сам, убедившись, что вокруг никого нет, перенес принца к подножию старой стены, укрыв в тени деревьев. Он бережно примял траву — это была лимонная трава, чей запах отпугивал насекомых. Рядом он положил специальную подушку с травами, чтобы ни одна тварь не посмела приблизиться.

Ци Цзю прикрыл глаза, чувствуя, как мерно вздымается его грудь.

— Ждите меня здесь, — прошептал Юй Юньлян, поправляя подушку. — Снизу я подложил заячий мех. Если станет холодно — укройтесь им.

Ци Цзю коснулся его руки, давая понять, что всё слышал.

— В одном ларце — вода и сладкий отвар с вином, — продолжал инструктировать юноша, доставая вещи из тайника. — В другом — пилюли Хусиньвань, лотосовое печенье и засахаренная слива.

Система:

[...]

«К чему эти многоточия?», — Ци Цзю мысленно пресек комментарии Системы и продолжил ласково поглаживать руку юноши, оберегавшую его.

Юй Юньлян терпеливо наставлял его:

— Если устанете — отдыхайте. Захотите спать — засыпайте.

— Спать — это просто закрыть глаза, — добавил он.

Ци Цзю:

«...»

Он открыл глаза и, увидев искорку смеха в глазах маленького инспектора, понял, что тот научился у него подшучивать. Принц не выдержал и улыбнулся:

— Хорошо.

Он зевнул и, последовав совету, закрыл глаза, устраиваясь на ночлег прямо под открытым небом. Юй Юньлян коснулся его лица и, убедившись, что принц в безопасности, посмотрел в сторону потайных ворот дворца.

Этой ночью тени ожили. Цзян Шунь тайком покидал дворец, прижимая к груди ту самую шкатулку, которая могла стоять ему головы... Судя по направлению, он направлялся как раз к той самой усадьбе.

Наставления принца всегда оказывались верными: сейчас снаружи было куда безопаснее, чем в любом доме. Юй Юньлян коснулся лба Ци Цзю, поправил выбившуюся прядь его волос и, натянув капюшон, бесшумной тенью скользнул вслед за каретой Цзян Шуня.

***

Ци Цзю лежал в траве, окруженный запасами отваров и сладостей, и мысленно спросил Систему:

«Он уже далеко?»

[Далеко], — ответила та, глядя в бинокль. — [Уже и след простыл].

«Эх», — вздохнул принц.

Система усмехнулась и мысленно стянула у него одну засахаренную сливу:

[Сам виноват. Зачем так его разбаловал?]

Каждый раз, когда Ци Цзю позволял юноше проявлять заботу, тот становился всё более настойчивым... и вот до чего это дошло. Юй Юньлян начал покупать ему сладости. Система подозревала, что скоро он начнет приносить ему игрушки и сахарные фигурки.

Ци Цзю покачал головой, посмеиваясь над своими мыслями, и приподнялся, доставая из рукава ивовую ветку. Сидя на мягком меху, он принялся задумчиво вертеть ее в руках, выбирая самые крепкие листья.

Ветер внезапно переменялся.

Этой ночью за порядок во дворце отвечали гвардейцы Цзиньвэя. Двое командиров, совершая обход, внезапно почувствовали неладное и резко обернулись. Их отряд необъяснимым образом поредел — осталось лишь несколько растерянных воинов. В этот момент на плечо одного из них легла рука человека в изящном одеянии с узором летучей рыбы.

Гвардейцы не успели даже вскрикнуть — их тела мгновенно онемели от точных ударов по точкам, и они один за другим повалились на землю. Командиры побледнели. Один из них выхватил меч и бросился в атаку, но острая, как сталь, ивовая ветка полоснула его по запястью. Рука мгновенно ослабла, и тяжелый клинок с лязгом упал на камни.

Ци Цзю несколькими точными ударами ветки парализовал его, но в этот момент в груди снова отозвалась боль. Кровь темным потоком хлынула с губ. Принц, не обращая внимания, вытер лицо рукавом, поднял упавший меч и приставил его к горлу последнего уцелевшего гвардейца, который от ужаса не мог пошевелить и пальцем.

Тот узнал его, но даже в страшном сне не мог представить, что опальный принц обладает такой силой.

— Ваше... Ваше Высочество...

— Одолжу-ка я твой жетон, — Ци Цзю сорвал печать с его пояса. — Где император? В покоях или в алхимической палате?

Насмерть перепуганный гвардеец выложил всё как на духу. Император вторые сутки не покидал алхимиков, одержимый поиском эликсира бессмертия и средства, способного усмирить непокорного отпрыска. Из-за тех проклятых песенок монарх не решался убить Шэнь Гэ открыто. Некоторые ценят власть, другие — богатство, но этот император больше всего

дорожил своим добрым именем. Он совершал ужасные поступки, но не мог допустить, чтобы в хрониках его назвали детоубийцей.

Он хотел лишь сделать сына послушным и для этого приказал изготовить особое зелье. По слухам, работа близилась к завершению, и уже на завтрашнем приеме он собирался поднести Шэнь Гэ чашу с вином...

Ци Цзю кивнул. Яд в его теле продолжал буйствовать, кровь кипела. Недолго думая, он полоснул себя по запястью трофейным клинком. Темная, почти черная кровь хлынула на землю. Гвардеец, зная, что она ядовита, в ужасе отполз подальше.

Он смотрел на опального принца, который, чтобы унять боль, не моргнув глазом, пускал себе кровь, и не мог поверить своим глазам. Ци Цзю, убедившись, что лишняя кровь вышла, оторвал кусок ткани от одежды гвардейца, перевязал рану и зубами затянул узел.

Вспомнив о запасе платков, который ему всучил юноша, он вернулся к тайнику, смочил один из них водой и тщательно стер все следы крови. Парализованного гвардейца он усадил в воинственную позу, вложив ему в руки меч. Если Юй Юньлян спросит, он всегда сможет сказать, что на него напали первыми.

— Ваше... Ваше Высочество, — пролепетал гвардеец, глядя на сверкающий клинок в руках принца. — Что... что вы задумали?

Ци Цзю ничего не задумывал — он просто наводил порядок на месте «происшествия». Напоследок он достал засахаренную сливу и отправил ее в рот. Убедившись, что всё выглядит пристойно, он поднялся, опираясь на меч, и вытер губы.

— Пойду навещу отца.

— Мне приглянулся один достойный муж, и, на случай всяких превратностей судьбы...

Опальный принц неспешно зашагал прочь, подбрасывая на ладони дворцовый жетон. Его фигура медленно растворилась в ночной тишине.

— ...нужно сначала попросить императора о благословении на этот брак.